

The employment of the psycholinguistic analysis of a literary text is very useful and appropriate, since it can be used to investigate how professional translators transmit the emotional content of the text to other languages.

The method of psycholinguistic text analysis is focused on the study of the linguistic and stylistic characteristics of the texts. The following main categories are taken into account: the scope of the text; the number of sentences; their average size; the coefficient of vocabulary (lexical) diversity; the coefficient of verbiage / aggressiveness; the coefficient of logical connectivity; the coefficient of embolism.

The psycholinguistic text analysis has revealed that the text of the translation corresponds to the original text. The difference between the main categories is rather insignificant and can not affect the perception of the translated text by the recipients.

The content-analysis has shown that the translated text contains all the categories of the original text and the number of the analyzed words is identical. This proves the correspondence and adequacy of the translated text, its high ability to reproduce fully the author's intention.

Key words: literary text, translation, psycholinguistic text analysis, content-analysis.

REFERENCES

1. Zhynkyn N. Y. Rech kak provodnyk ynformatsyy. M. : Nauka, 1982. 157 s.
2. Zasiakin S. V. Psyholinhvistychni universalii perekladu khudozhnogo tekstu : monohrafiia. Lutsk : Volyn. nats. un-t im. Lesi Ukrainky, 2012. 272 s.
3. Krylov A. A. Praktikum po obshchei, eksperimentalnoi y prykladnoi psykholohyy / A. A. Krylov, S. A. Manychev. — SPb. : Pyter, 2000. 560 s.
4. Corpas Pastor G. Translation Universals : Do they exist? A corpus-based and NLP approach to convergence / G. Corpas Pastor, R. Mitkov, N. Afzal, L. Garcia Moya. Proceedings of the LREC (2008) Workshop on “Comparable Corpora”. LREC-08. Marrakesh, Morocco, 2008.

STUDY MATERIAL

1. Stedman M. L. The Light between Oceans. Дата оновлення : 10.10.2018. URL : <https://ru.scribd.com/doc/97833263/The-Light-Between-Oceans-A-Novel-by-M-L-Stedman> (data zvernennia: 10.10.2018).
2. Stedman M. L. Svitlo mizh dvokh okeaniv : roman / per. z anh1. N. Khaietskoi. Kharkiv: Knyzhkovyi klub “Klub Simeinoho Dozvillia”, 2016. 304 s. Дата оновлення : 06.11.2018. URL : <https://www.rulit.me/books/svitlo-mizh-dvoh-oceaniv-read-442797-1.html> (data zvernennia: 08.11.2018).

Стаття надійшла до редакції 15.04.2019

УДК 81-112; 811.1/.2

IRANO — SLAVICA: ИСТОРИКО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Илиади Александр Иванович¹

Центральноукраинский государственный педагогический университет Владимира Винниченка
E-mail: alexandr.iliadi@gmail.com
ORCID ID <https://orcid.org/0000-0001-5078-8316>

В статье представлены результаты исследования, посвященного изучению словообразования в иранских и славянских языках в сравнительно-историческом аспекте. В задачи статьи входил сопоставительный анализ иранских и славянских лексем, имеющих общие индоевропейские корни, в синхронии и диахронии. В частности, рассматривалась их этимология и особенности функционирования на современном этапе.

В ходе исследования была подтверждена гипотеза об общем для словообразования обеих групп языков (иранских и славянских) индоевропейском наследии. В то же время были обнаружены свидетельства совместных инноваций эпохи славяно-иранских контактов. Был осуществлен детальный анализ прототипов и дериватов с выделением типологически общих и конкретно языковых особенностей деривации. Методология данного исследования включала индуктивный и дедуктивный методы, а также метод контрастного анализа.

Проанализированные словообразовательные параллели и полученные выводы имеют большое значение для сравнительно-исторического и общего языкознания. Компаративистика оперирует и типологическим ориентиром: не всегда важно только наличие морфологически идентичных и хронологически близких комплексов (последовательностей морфем) в двух родственных языках; важна типологическая близость процессов модификации структуры слова, когда для этого используется один и тот же элемент. Это свидетельствует о потенциальной возможности одинакового развития группы близкородственных единиц разных языков. Перспектива в исследовании данной проблемы в различных группах индоевропейских языков.

Ключевые слова: этимология, дериват, словообразование, прототип, сравнительно-историческое языкознание.

¹ Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой методик дошкольного и начального образования Центральноукраинского государственного педагогического университета Владимира Винниченка

Вступительные замечания. Одним из наименее разработанных сегментов современного сравнительно-исторического индоевропейского языкознания остается изучение исторических контактов иранского и славянского, реконструкция сохраненного только в них общего индоевропейского наследия. Нельзя сказать, что до сих пор не было серьезных попыток заполнить пробелы в этой области знаний, напротив, начиная с 60-х годов прошлого века, наблюдаются подвижки в этом направлении, старт которым был дан в основательных работах В. И. Абаева, А. А. Зализняка, О. Н. Трубачева, Вяч. Вс. Иванова, В. Н. Топорова, А. Ф. Журавлева в отечественном языкознании и Вари Цветко-Орешник в зарубежном (Словения). Определенный итог сделанному за предшествующие полвека подводится в обобщающей работе Д. И. Эдельман, богатой на новые идеи, но в первую очередь ценной своим систематическим подходом к объяснению механизма, стоящего за тем или иным соответствием, благодаря чему удается избежать соблазна отождествить и поставить в один ряд разнородные (генетически, типологически) явления, обладающие поверхностным сходством. Однако до сих пор не было исследования, специально нацеленного на разработку целого комплекса проблем, связанных с выявлением, описанием и верификацией следов: а) взаимодействия (заимствований, совместных инноваций) носителей иранской и славянской речи в разное время на разных территориях; б) сохранения ими общего индоевропейского наследия; в) независимого развития в обеих речевых традициях типологически однородных инноваций в условиях, исключающих взаимные контакты. Этим должна заниматься отдельная отрасль компаративистики — сравнительная грамматика иранских и славянских языков. Собственно, никто пока не ставил задачу такого сложного и трудоемкого научного проекта, работа над которым потребовала бы усилий целого коллектива и, скорее всего, не одного поколения ученых. Однако подготовительная работа к его осуществлению вестись должна, и важной частью этой подготовительного этапа является сбор фактологической базы, наблюдений за отдельными явлениями, суммарный взгляд на которые даст сложную картину выделения иранского и славянского из праиндоевропейского как его автономных состояний и их контактов эпохи существования отдельных индоевропейских языков.

В рамках задачи накопления эмпирического материала делаются несколько обобщений, изложенных в предлагаемых ниже этюдах, каждый из которых посвящен тождествам в архаичной словообразовательной морфологии иранского и славянского.

Ирано-славянские аналогии в области словообразования представлены следующими примерами. 1. Важная для сравнительной грамматики иранского и славянского словообразовательная аналогия заключается в использовании языками обеих групп “[...] единого (в типологическом отношении) способа словообразования с единичными же (в этимологическом отношении) первыми компонентами: основами (реже — полными формами) вопросительных местоимений [...]” [19: 192–193]. Известная нам лексика показывает функционирование в системах иранского и славянского словопроизводства генетически тождественных местоимений праиран. **ka-* ‘кто такой, который’, **ča-* ‘что; кто’, **ku-* ‘где; что за!’ ~ псл. **ka-*, **ko-/ku-*, **ča-*, **če-*. Д. И. Эдельман в специальном исследовании об исторических отношениях иранского и славянского проводит сопоставительный анализ иран. и слав. слов с этими местоименными приставками [19: 187–193], но список образований этого типа может быть увеличен за счет привлечения дериватов с префиксами **či-* (в иран. ~ псл. **čь-*) и **če-*, **ča-* (в слав.; Д. И. Эдельман упоминает только несколько слав. глагольных форм), этимологически связанными с названными местоимениями, ср.:

праиран. **či-gauna-* < **či-* + **gauna-* ‘образ, способ’, ср. авест. *gaona-* ‘то же’ и др. [9 (2: 201–202)], осет. *cybæl/cibæl* ‘соблазн’, ‘сильное хотение’, ‘аппетит’ из *cy / ci* ‘что’ и *bællyn* ‘хотеть’ букв. — ‘чего-хотение’, дигор. *cijes* ‘имущество’, *ciɣæwagæ* ‘нужда’, букв. — ‘что нужно’, *caetædis* ‘любопытство’, букв. — ‘чему-удивление’, *cykūrajy færdyg* ‘волшебный самоцвет’, букв. — ‘самоцвет чего-просишь’ [1 (1: 319)];

псл. **če-kərda/*če-kərta*, ср. рус. *чехарда́*, *чехорда́*, *чекорда́* ‘игра, где прыгают друг через дружку’, блр. *чекорда́* ‘поросята; собрание детей’ и др., **ča-mərda*, чеш. диал. *čamrda* ‘неповоротливый, неуклюжий человек’, литер. ‘юла, волчок’ ~ **mərda/*mərđь* (ср. болг. диал. *mərđь* ‘медлительный неловкий человек’), **mərdati*, **ča-poltъ*, рус. диал. *ча́полочь*, *ча́полоть* ‘растение Hierochloa borealis, пестрец, черстянка’, укр. *ча́полоть*, *ча́полоч* ‘растение Hierochloa borealis’ ~ **pelti* [22 (4: 16, 20,

37–38; 20: 235)], рус. диал. яросл. *чупыри́зик* 'ребенок, малыш (о мальчике)', 'малорослый мужчина' [24: 65], где *чу-* в итоге из *че-*, при урал. *пыри́зик* неодобр. 'человек ненормально маленького роста' [12 (33: 196)], образованном от экспрессивных глаголов **пыри́зть* или **пыри́зять* < **p̄orz-* (развитие корневого вокализма звукоподражательной и/или экспрессивной глагольной лексики с основой типа *t̄rt* в вост.-слав. языках часто отклонялось от классической схемы *t̄rt* > *toŕt* (> *tart*), ср., напр., блр. диал. *мыри́'аты* 'моросить (о дожде)' и др. < **m̄rčati* [22 (20: 234)]; действие экспрессивной фонетики в диалектах также послужило причиной диалектной трактовки префикса *че-* > *чу-* и употребления формы *чу-* как самостоятельного словообразующего средства), **če-poldь* или **če-peldь* > укр. закарп. *чяполодь*, *-i* 'группа маленьких детей', (ирон.) 'группа людей низкого роста, маленького роста', зап.-полесск. *чапулузь*, *-i*, собир., ирон. 'малыши, малышня' ~ лит. *peldeiti*, лтш. *peldēt* 'плавать' (ср. известную закономерность образования знач. 'дети', 'народ' в этимологических гнездах с базовой глагольной семантикой 'течь', 'плыть', 'наполняться'). Подробнее см.: ([3: 59–60]; относительно *ча-* < **če-* ср. диал. примеры изменения *e* > *a*, как, впрочем, и *a* > *e* после шипящих).

Семантическая пестрота указанных иранских и славянских форм все-таки позволяет проследить общие для них элементы значений, привносимые праиран. **čī-*, псл. **če-*, **ča-*, и в общих чертах сформулировать "модели" описания семантики дериватов. Ср., напр., "что [за] + объект-сущ." (**čī-gauna-* 'что за образ/способ': **če-k̄rda/*če-k̄rta*, **če-poldь/*če-peldь* 'что за дети', 'что за игра') и "[к] чему + объект сущ. или глаг." (осет. *сæ-mædis* "чему-удивление": рус. псков., твер. *чи-верга́* 'торопыга, суета', *чи-верзю́ть* 'суетиться, егозить, метаться' ~ *-верга́ть*, *-верзю́ть*, букв. — 'к чему спешащий', 'к чему метаться, бросаться'? В словаре М. Р. Фасмера [16 (4: 358)] преф. *чи-* отождествляется с союзом *чи* 'ли' (он родствен местоимению **če*), однако, учитывая многочисленные диалектные примеры изменения безударного *e* > *u*, логично предположить неоднозначность этого *чи-*, т. е. возможность совпадения в нем как **če*, так и **čī*).

2. Нельзя обойти стороной такую общую черту иранского и славянского, как сохранение ими индоевропейской традиции оформления названий гребня по консонантному типу, т. е. по образцу *en-* основ, ср.: псл. **greby*, *-ene* 'гребень', 'бердо' наряду с иран. **fšāna-*,

**fšana-* (< и.-е. **pk'-ēn-/pk'-en-*) 'гребень, расческа' (: мдж. *šfun*, сангл. *afšun* 'гребень' и др.) ~ **fšā-* 'причесывать(ся)', 'расчесывать (волосы, шерсть)'. Сюда же вахан. *nəbāsn* 'гребешок' < **ni-pas(a)na-* с другой огласовкой корня. Правда, эта особенность выходит за рамки исключительно ирано-славянских сходжений, т. к. обнаруживается еще в лат. *pecten*, *-inis*, гр. κτεῖς, κτενός 'гребень' из вариантного и.-е. **pk'-t-en-* [9 (3: 86–87); 22 (7: 112–113); 14: 247: **ni-pas(a)na-*].

3. Функциональное сходство в употреблении рефлексов родственных (см., напр.: [26: 53–55; 16 (3: 292–293); 27 (2: 692–693); 18 (2: 46–47); 21 (8: 84); 2 (4: 465)] и др.) и.-е. предлогов **apo* и **po*, присоединенных к этимологически идентичным основам, ср.: ягноб. *bīzón-*, *bīzōñ-*: *bīzónak* 'узнавать, опознавать' < **apa-zān-*, осет. *bažonən* 'признавать', 'узнавать' [23: 232] ~ рус. *о-но-знать*, *о-но-знавать*, где псл. **znati*: иран. **zān-*.

4. Аналогичная ситуация с предлогом-приставкой псл. **ob*, **obь*, **obi*: иран. **abi*, ср., напр., язг. *vəzān-* 'узнавать' < **abi-zān-* [19: 23] ~ рус. *обо-зна́ться*, т. е. ошибочно *признать* чужое своим. С проблемой выявления в иранском и славянском общего для них древнего слоя дериватов с генетически тождественным преформантом иран. **abi*: псл. **obi* непосредственно связан выбор ономастического прототипа слав. топонима в Северном Приазовье *Обиточное*, *Обиточная* (= "Обтекаемое"), который, по глубокому убеждению акад. О.Н. Трубочева, — суть "реликтовое периферийно-славянское отражение (семантический перевод, калька) субстратного индоарийского **pari-sara-*, буквально 'обтекание'", стало быть — одно из свидетельств пребывания в этом ареале индоарийских меотов [15: 3]. Однако, если всерьез видеть в этом названии славянский слепок с иноязычного имени, более обоснованной была бы апелляция не к индоарийскому, а к иранскому корпусу топонимов, также представленному в Приазовье. Мы имеем в виду возможное дублирование в славянской речи (**obi-točьnъ*) субстратной восточноиранской формы, восходящей к праиран. **abi-taka-*, ср. согд. топоним *Abdak* как именное сложение рефлексов иран. **abi-* & **tak-* 'течь' [6: 197]. Это возможно благодаря общему для иранцев и славян индоевропейскому наследию — сумме корней/основ и предлогов-приставок, имевших в обеих речевых традициях близкое грамматическое и словообразовательное значение и потому способных формировать здесь слова с одинаковой морфологией.

5. Ту же картину словообразовательно-этимологического параллелизма представляет модель с префиксами руш., хуф. *bī-*, перс. *bē-/bu-* : слав. **bez-*, ср. руш., хуф. *bīxarm* 'бессовестный, бесстыжий' < *xarm* в сочетании *xarm cīgōw* 'стыдиться, смущаться', произв. *xarmindā* 'пристыженный, смущенный' [11: 290], перс. *бу-шārm* 'бесстыдный, наглый' ~ псл. **bez-sorm-*, ср. ст.-сл. **весрамьнъ** 'бесстыдный', рус. диал. *бессоромный* 'то же; 'нахальный' и др. [22 (2: 9, 44–45)] с генетически родственными компонентами сложения.

6. Параллелизм в префиксальной деривации обозначения стыда, бесстыдства от этимологически единой основы, ср. псл. **obsorma/*obsormъ* (: ц.-сл. **осрама** *ignominia, turpitude*, слвн. *osraīma* 'стыд, срам', рус. диал. *óсором* 'позор, срам' и др. [22 (30: 12)]) при хор. *bsprm'wc* мн. ч. 'бесстыдство' < **apa-fšarma-* [9 (3: 82)].

7. Использование в иранском и славянском одной и той же префиксально-суффиксальной модели "привативный преф. + имя + суфф. абстрактности" в производных от этимологически тождественных основ. Генетически родственными при этом оказываются и словообразующие морфемы. Ср., с одной стороны, руш. *bīpāndaŷ*, хуф. *bīpōndaŷ* 'бездорожье', где *bī* — именной отрицательный преф., *pānd, pōnd* — subst. со знач. 'путь, дорога', *-aŷ* — суфф. абстрактных существительных и относительных прилагательных [11: 132–133, 143, 226], а с другой — псл. **bez-pot-ŷje* и его продолжения серб./хорв. *бѣспуће* 'бездорожье, непроходимая местность', рус. *беспутье* 'бездорожица, распутица или иная порча дороги' и др. [22 (2: 40)]. Все структурные элементы обеих лексем имеют общий индоевропейский источник: 1) корневая часть совр. иран. *pānd-/pōnd-* : псл. **pot-* восходит к и.-е. **pont-*; 2) приставки *bī-* : **bez-* продолжают и.-е. диал. **b(h)eǵh-* (для индо-иран. и слав.; см. о нем и о некоторых персидско-славянских параллелях в употреблении моделей "*bē/bi* 'без' + имя", "*bez* 'без' + имя" в: [22 (2: 8–9)]); 3) несколько сложнее обстоит с суффиксами *-aŷ* : *-ŷj-*, т. к. их сравнение возможно, только если руш. и хуф. действительно продолжает исконное **-jo-* с поздним *-a-*, полученным из тематических основ. В противном случае можно говорить только о формальном подобии и функциональной близости суффиксов.

8. Общность модели деривации, морфологическое подобие названий глотки, горла: в обеих группах языков представлено

сложение суффиксального форманта с опорным *-n-* и производящей основы с глагольным корнем на плавный сонант + *t-*расширение, имеющей семантику 'глотать'. Ср.: кл. перс., тадж. *gardan* 'шея', т. е. рефлекс иран. **gart-ana-* от **gar-t-*, которое в итоге к и.-е. **gel-*, **g^uel-* 'проглатывать, поглощать' [9 (3: 156, 159): тут же см. примеры сосуществования первоначальных знач. 'глотка', 'горло' и позднейшего 'шея'] и псл. **gōrt-anъ/*gōrt-anь* 'гортань, горло', толкуемое как произв. с суфф. — *t-an-* от продолжения и.-е. **g^uer-* 'пожирать, поглощать' [22 (7: 213–214)].

9. Сохранение в иранской и славянской словообразовательных системах и активное использование здесь как префиксов рефлексов и.-е. **sem-* : **som-* 'вместе, с; единый, объединенный, совместный'. Ср., напр., ср.-перс. *tōxmak* 'род, племя' > *ham-tōxmak* 'принадлежащий к тому же роду, племени', 'сородич' (*ham-* — преф. со знач. совместности или соучастия в чем-либо) [7: 36] ~ рус. *род* > *со-родич*, *плѣмя* > *со-племѣнник* с этимологически и семантически идентичной иранскому **ham-* славянской приставкой **sъ-*. Любопытно, что близкая модель деривации названия сородича, соплеменника функционировала в латыни, где находим *con-gener* 'принадлежащий к тому же роду' ~ *genus* 'род', 'племя', 'народ'. Однако у лат. *con-gener* есть отличие от остальных примеров: иранское и славянское производные, помимо единого принципа словообразования, демонстрируют также этимологическое единство префикса, генетически обособленного от лат. *con-*.

В этих примерах мы имеем дело с типологической близостью процессов словопроизводства, развившейся отчасти благодаря сохранению продуктивности древних диалектных формантов в иранских и славянских языках. Однако ср. ситуацию, представленную в слвн. *sódolec* 'небольшая часть, доля' (приводится по: [17: 219]), значение которого, судя по наличию префикса со значением совместности *só-* < **sq-*, могло развиваться из более архаичной семантики 'совместная часть, общая доля имущества' : иран. **hama-bāga-* 'обладающий общей долей' > ср.-перс. *hambāy / hmb'g*, ман. *hmb'w/* 'сотоварищ, сонаследник' [8: 75; 9 (3: 350)]. Этот пример может свидетельствовать о выработке общей социально-правовой семантики у двух производных по генетически единой словообразовательной модели терминов, возникших в период

славяно-иранских контактов. Ср. также одинаковое значение 'доля' у производящих основ псл. **dol'a* : иран. **baga-*.

10. Образование глагольных форм от этимологически тождественных иран. **kas-* : псл. **kaz-* (из и.-е. **k^uak'*-, **k^uōk'* : **k^ueĝ-* 'видеть; появляться; показывать(ся)', 'делать знак', 'говорить') основ посредством вариантов одного префикса иран. **ham-* : слав. **sž-* (генетически однородны). Ср.: фар. -*āngās-* : -*ānggašt-* 'смотреть' и др. [9 (4: 325): среди глаголов с превербами] ~ рус. диал. черниг. *соказать* 'говорить одновременно с кем-либо' при беспреф. *казаться* 'являться, быть видимым кому-л.'

11. Общность в суффиксальном образовании (формант с опорным этимологическим **-k-*: псл. -*žk-*, -*ic-* : иран. -*āk-*) названий частей человеческого тела от родственных лексем — псл. **sormž* : иран. **šarma-*. Ср.: согд. **šfarm-* (*šβ'rm-*) 'стыд' и **šfarmāk* (*šβ'rm'k*) 'половые органы' [1 (1: 482)] при рус. олон., курск., калуж., краснояр. *сóром* 'о наружных половых органах человека' [12 (40: 30)], укр. диал. *соромóк* 'репіс (у малолетнего)', ср. еще *сорóмиця* 'лобковая кость' [2 (5: 357)] и др.-рус. *соромчъ* 'половые органы мужские и женские' [13 (3: 467, 476, 477)]. Подробнее см.: [4: 315].

12. Использование уменьшительных суффиксов с опорным этимологическим **-k-*: (очень продуктивны в др.-хорезм.) -*ik-*, -*icik-*: хорезм. *ǰ'b(y)k* 'юноша, парень' — *ǰ'byc(y)k* 'мальчик', *xreyk* (букв. 'ослёночек') — вторичный деминутив от уменьшительного же **xrk* 'ослёнок' < *x(y)r* 'осёл' [20: 59] при рус. (и др.) *малец* > *мальч-ик*, *палец* > *пальчик*, *огурец* > *огурч-ик* и пр. Из образований этого ряда ср. еще иран. **baga-ka-* 'маленький идол' (?), ср. хор. *βγk*, 'βγyк 'кукла, игрушка' [9 (2: 51)] : псл. **bož-ьkž*, рус. *божóк* 'идол'.

Непосредственно с этой категорией дериватов связана лексика, где суффиксальный -*ik-* имеет другое словообразовательное значение: согд. (документы с горы Муг), будд. 'унч, ман. 'унč /инč/ (или /инč/?)' 'женщина', ягн. *īñč* < **yaunikā-* [5: 378] : псл. **junica* (> др.-рус. *оуница* 'девушка' и др.), **junьсь*, а также лит. *jaunikis* 'жених' < 'молодой', 'молодец' [22 (8: 194, 198)] — один из примеров, когда общее явление в лексике и словообразовании, помимо иранского и славянского, разделяет и балтийский.

13. Отдельные примеры функционирования реликтового и.-е. форманта **-men-*. Возьмем, к примеру, рус. диал. костром. *слухмёнье*

'слушание' [12 (38: 317)]: если это не диал. образование исторической эпохи, то оно восходит в итоге к псл. **slux-menъ* — производному от **slux-* (к словообразованию ср. рус. диал. нижегор. *глухмень* 'глухой, глуховатый человек' [12 (6: 214)]). Для этой слав. формы обнаруживается цельнолексемное соответствие в иранском — авест. *sraoma* (*srau-man-*), *sraoman-* 'слух' (приведено по: [25: 1634]: к *srav-* 'слушать' [10: 317]), демонстрирующее тождество как корневой морфемы (псл. **slu-* : иран. **srau*), так и её словообразовательного оформления (псл. суфф. — *men-* : иран. — *man-*).

Выводы. Нетрудно заметить, что все рассмотренные выше случаи сравнения неравноценны: некоторые из них имеют явно позднюю хронологию, некоторые воспроизводят реликтовые формы. Однако это не снижает их ценности для сравнительно-исторической грамматики, т. к. компаративистика оперирует и типологическим ориентиром: не всегда важно только наличие морфологически идентичных и хронологически близких комплексов (последовательностей морфем) в двух родственных языках; важна типологическая близость процессов модификации структуры слова, когда для этого используется один и тот же элемент. И это показывает потенциальную возможность одинакового развития группы близкородственных единиц разных языков, а доказательство структурно-этимологического тождества может быть найдено позднее.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка [Текст] / В. И. Абаев. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, Наука, 1958–1989. — Т. I–IV.
2. *Етимологічний словник української мови: в 7 т. / [за ред. О. С. Мельничука]. — К. : Наук. думка, 1982–2012. — Т. 1–6.*
3. *Илиади А. И.* Этимологические заметки по славянской лексике. 45–49 / А. И. Илиади // Актуальные проблемы лингвистики. — Сургут : РИО СурГПУ, 2012. — Вып. V. — С. 56–62.
4. *Илиади А. И.* К сравнительно-исторической лексикологии славянских и иранских языков / А. И. Илиади // Индоевропейское языкознание и классическая филология-XXI = Indo-European Linguistics and Classical Philology- XXI : материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского (26–28 июня 2017 г., Санкт-Петербург) / [отв. ред. Н. Н. Казанский]. — СПб. : Наука, 2017. — С. 310–323.
5. *Лившиц В. А.* Согдийский язык / В. А. Лившиц, А. Л. Хромов // Основы иранского языкознания: Среднеиранские языки / [под ред. В. И. Абаева]. — М. : Наука, 1981. — С. 347–514.

6. Лурье П. Б. Историко-лингвистический анализ согдийской топонимии: дис. ... канд. филол. наук / П. Б. Лурье. — СПб., 2004. — 305 с.
7. Расторгуева В. С. Среднеперсидский язык / В. С. Расторгуева. — М. : Наука, 1966. — 164 с.
8. Расторгуева В. С. Среднеперсидский язык / В. С. Расторгуева, Е. К. Молчанова // Основы иранского языкознания : Среднеиранские языки. — М. : Наука, 1981. — С. 6–146.
9. Расторгуева В. С. Этимологический словарь иранских языков / В. С. Расторгуева, Д. И. Эдельман. — М. : Вост. литература, 2000–2015. — Т. 1–5.
10. Соколов С. Н. Язык Авесты: учебное пособие / С. Н. Соколов. — Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1964. — 414 с.
11. Соколова В. С. Рушанские и хурские тексты и словарь / [отв. ред. И. И. Зарубин]. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1959. — 334 с.
12. Словарь русских народных говоров [Текст] / [под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова]. — М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–2018. — Вып. 1–50.
13. Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка [Текст] / И. И. Срезневский. — М. : Книга, 1989. — Т. 1–III.
14. Стеблин-Каменский И. М. Этимологический словарь ваханского языка [Текст] / И. М. Стеблин-Каменский. — СПб. : Петерб. Востоковедение, 1999. — 480 с.
15. Трубочев О. Н. К прародине ариев (По поводу выхода книги: Ю. А. Шилов. Прародина ариев. История, обряды и мифы. Киев, 1995) / О. Н. Трубочев // Вопросы языкознания. — 1996. — № 3. — С. 3–12.
16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. [Текст] / [пер. с нем. и доп. чл.-кор. АН СССР О. Н. Трубочева; под ред. и с предисл. проф. Б. А. Ларина]. — М. : Прогресс, 1986–1987. — Т. 1–IV.
17. Цейтлин Р. М. Материалы для изучения значений приименной приставки *sr-* в славянских языках / Р. М. Цейтлин // Ученые записки Института славяноведения. — М. : Изд-во АН СССР, 1959. — С. 208–247.
18. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. [Текст] / П. Я. Черных — М. : Рус. яз., 1999. — Т. 1–II.
19. Эдельман Д. И. Иранские и славянские языки: Исторические отношения / Д. И. Эдельман. — М. : Вост. литература, 2002. — 230 с.
20. Эдельман Д. И. Хорезмийский язык // Основы иранского языкознания : среднеиранские и новоиранские языки. — М. : Вост. лит. РАН, 2008. — С. 6–60.
21. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы [Текст] / [рэд. В. В. Мартынаў, Г. А. Цыхун]. — Менск : Акадэмія навук БССР ; Беларуская навука, 1978–2010. — Т. 1–13.
22. Этимологический словарь славянских языков: Праслав. лекс. фонд [Текст] / [под ред. О. Н. Трубочева, А. Ф. Журавлева]. — М. : Наука, 1974–2018. — Вып. 1–41.
23. Ягнобско-русский словарь / [сост. М. С. Андреевым, В. А. Лившицем и А. К. Писарчик] // Андреев М. С., Пещерева Е. М. Ягнобские тексты. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1957. — С. 217–391.
24. Ярославский областной словарь: учеб. пособие / [науч. ред. Г. Г. Мельниченко]. — Ярославль : ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1991. — Вып. 10. — 108 с.
25. Bartholomae Chr. Altiranisches Wörterbuch [Text] / Chr. Bartholomae. — Strassburg, 1904. — 1022 s.

26. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch [Text] / J. Pokorny. — Bern ; München, 1959. — Bd I. — 434 s.
27. Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika [Text] / P. Skok. — Zagreb, 1971–1973. — Knj. I–III.

IRANO — SLAVICA: ІСТОРИКО-СЛОВОВІРНІ ПАРАЛЕЛІ

Ліаїді Олександр Іванович¹

Центральноукраїнський державний педагогічний
університет Володимира Винниченка

У статті наведені результати дослідження, присвяченого вивченню словотвору в іранських та слов'янських мовах у порівняльно-історичному аспекті. Завданням статті був зіставний аналіз іранських та слов'янських лексем, що мають спільні індоєвропейські корні, в синхронії та діахронії. В частині, розглядалась їх етимологія та особливості функціонування на сучасному етапі.

У процесі дослідження було підтверджено гіпотезу про спільну індоєвропейську спадщину для словотвору двох груп мов (іранських і слов'янських). У той же час було знайдено докази наявності спільних інновацій доби слов'яно-іранських контактів. Було здійснено детальний аналіз прототипів і дериватів із виокремленням типологічно спільних і конкретно мовних особливостей деривації. Методологія цього дослідження включала індуктивний та дедуктивний методи, а також метод контрастивного аналізу.

Проаналізовані словотвірні паралелі та одержані висновки мають велике значення для порівняльно-історичного та загального мовознавства. Компаративістика оперує також типологічним орієнтиром: не завжди важлива тільки наявність морфологічно ідентичних і хронологічно близьких комплексів (послідовностей морфем) у двох близько споріднених мовах; важлива типологічна близькість процесів модифікації структури слова, коли для цього використовується той самий елемент. Це свідчить про потенційну можливість однакового розвитку групи близькоспоріднених одиниць різних мов. Перспектива у дослідженні цієї проблеми в різних групах індоєвропейських мов.

Ключові слова: етимологія, дериват, словотвір, прототип, порівняльно-історичне мовознавство.

¹ Доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри методик дошкільної та початкової освіти Центральноукраїнського державного педагогічного університету Володимира Винниченка

IRANO — SLAVICA: HISTORICAL-WORD-BUILDING PARALLELS

*Alexander Iliadi*¹

Volodymyr Vynnychenko Central Ukrainian State Pedagogical University

The paper deals with the findings of the research dedicated to the study of word-building in the Iranian and Slavonic languages in the comparative-historical aspect. The task of the article was comparative analysis of Iranian and Slavonic lexemes with common Indo-European roots in diachrony and synchrony. Particularly, their etymology and peculiarities of functioning have been reviewed.

In the course of the research the hypothesis of the common Indo-European legacy for word-building of the two language groups (Iranian and Slavonic) has been proved. At the same time the evidence for the common innovations for the age of Slavonic and Iranian contacts has been found. The prototypes and derivatives have been analyzed in detail with the selection of typologically common and specific linguistic features of derivation. The methodology of this research involved the inductive and deductive methods, the method of contrastive analysis and ethnic methodological conversation analysis.

The analyzed word-building parallels and the conclusions are of great relevance for both comparative and historic and general linguistics. Comparativistics also employs the typological reference point. It is not only the presence of morphologically identical and chronologically similar complexes (combinations of morphemes) in two typologically not distant languages that is important. There should also be typological similarity of the processes of the word structure modification in case one and the same element is used. This proves the potential possibility of the equal development of the group of non-distantly related units in different languages. The perspective is seen in reviewing this issue in the different groups of the Indo-European languages.

Key words: *etymology, derivative, word-formation, prototype, comparative-historical linguistics.*

REFERENCES

1. Abaev V. I. Istoriko-jetimologicheskij slovar' osetinskogo jazyka [Tekst] / V. I. Abaev. — M. ; L. : Izd-vo AN SSSR; Nauka, 1958–1989. — T. I–IV.
2. Ety'mologichny'j slovny'k ukrajins'koyi movy': v 7 t. / [za red. O. S. Mel'ny'chuka]. — K. : Nauk. dumka, 1982–2012. — T. 1–6.

¹ Doctor of philological sciences, professor, Head of the Department of Methods of Pre-school and Primary Education at Volodymyr Vynnychenko Central Ukrainian State Pedagogical University

3. Iliadi A. I. Etimologicheskie zametki po slavyanskoj leksike. 45–49 / A. I. Iliadi // Aktual'nye problemy lingvistiki. — Surgut : RIO SurGPU, 2012. — Vyp. V. — S. 56–62.
4. Iliadi A. I. K sravnitel'no-istoricheskoy leksikologii slavyanskikh i iranskih yazykov / A. I. Iliadi // Indoeuropejskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya-XXI = Indo-European Linguistics and Classical Philology- XXI : materialy chtenij, posvyashchennyh pamyati professora Iosifa Moiseevicha Tronskogo (26–28 iyunya 2017 g., Sankt-Peterburg) / [otv. red. N. N. Kazanskij]. — SPb. : Nauka, 2017. — S. 310–323.
5. Livshic V. A. Sogdijskij yazyk / V. A. Livshic, A. L. Hromov // Osnovy iranskogo yazykoznanija: Sredneiranskie yazyki / [pod red. V. I. Abaeva]. — M. : Nauka, 1981. — S. 347–514.
6. Lur'e P. B. Istoriko-lingvisticheskij analiz sogdijskoj toponimii: Diss.... kand. filol. nauk / P. B. Lur'e. — SPb., 2004. — 305 s.
7. Rastorgueva V. S. Srednepersidskij yazyk / V. S. Rastorgueva. — M. : Nauka, 1966. — 164 s.
8. Rastorgueva V. S. Srednepersidskij yazyk / V. S. Rastorgueva, E. K. Molchanova // Osnovy iranskogo yazykoznanija : Sredneiranskie yazyki. — M. : Nauka, 1981. — S. 6–146.
9. Rastorgueva V. S. Etimologicheskij slovar' iranskih yazykov / V. S. Rastorgueva, D. I. Edel'man. — M. : Vost. literatura, 2000–2015. — T. 1–5.
10. Sokolov S. N. YAzyk Avesty (Uchebnoe posobie) / S. N. Sokolov. — L. : Izd-vo Leningrad. un-ta, 1964. — 414 s.
11. Sokolova V. S. Rushanskije i hufskie teksty i slovar' / [otv. red. I. I. Zarubin]. — M. ; L. : Izd-vo AN SSSR, 1959. — 334 s.
12. Slovar' russkih narodnyh govorov [Tekst] / [pod red. F. P. Filina i F. P. Sorokoletova]. — M. ; L. ; SPb. : Nauka, 1965–2018. — Vyp. 1–50.
13. Sreznevskij I. I. Materialy dlya Slovara drevnerusskogo yazyka [Tekst] / I. I. Sreznevskij. — M. : Kniga, 1989. — T. I–III.
14. Steblin-Kamenskij I. M. Etimologicheskij slovar' vahanskogo yazyka [Tekst] / I. M. Steblin-Kamenskij. — SPb. : Peterb. Vostokovedenie, 1999. — 480 s.
15. Trubachev O. N. K prarodine ariev (Po povodu vyhoda knigi: YU. A. SHilov. Prarodina ariev, Istoriya, obryady i mify. Kiev, 1995) / O. N. Trubachev // Voprosy yazykoznanija. — 1996. — No3. — S. 3–12.
16. Fasmer M. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: v 4 t. [Tekst] / [per. s nem. i dop. chl.-kor. AN SSSR O. N. Trubacheva; pod red. i s predisl. prof. B. A. Larina]. — M. : Progress, 1986–1987. — T. I–IV.
17. Cejtlin R. M. Materialy dlya izucheniya znachenij priimenoj pristavki sq- v slavyanskikh yazykah / R. M. Cejtlin // Uchenye zapiski Instituta slavyanovedeniya. — M. : Izd-vo AN SSSR, 1959. — S. 208–247.
18. Chernyh P. YA. Istoriko-etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 2 t. [Tekst] / P. YA. CHernyh — M. : Rus. yaz., 1999. — T. I–II.
19. Edel'man D. I. Iranskie i slavyanskije yazyki: Istoricheskie otnosheniya / D. I. Edel'man. — M. : Vost. literatura, 2002. — 230 s.
20. Edel'man D. I. Horezmijskij yazyk // Osnovy iranskogo yazykoznanija : sredneiranskie i novoiranskie yazyki. — M. : Vost. lit. RAN, 2008. — S. 6–60.
21. Etymalagichny složnyk belaruskay movy [Tekst] / [red. V. V. Martynaŭ, G. A. Tsyihun]. — Minsk : Akademija navuk BSSR ; Belaruskaya navuka, 1978–2010. — T. 1–13.

22. Etimologicheskii slovar slavyanskikh yazykov: Praslav. leks. fond [Tekst] / [pod red. O. N. Trubacheva i A. F. Zhuravleva]. — M. : Nauka, 1974–2018. — Vyip. 1–41.
23. Yagnobsko-russkiy slovar / [sost. M. S. Andreevyim, V. A. Livshitsem i A. K. Pisarchik] // Andreev M. S., Peschereva E. M. Yagnobskie tekstyi. — M. ; L. : Izd-vo AN SSSR, 1957. — S. 217–391.
24. Yaroslavskiy oblastnoy slovar: Ucheb. posobie / [nauch. red. G. G. Melnichenko]. — Yaroslavl : YaGPI im. K. D. Ushinskogo, 1991. — Vyip. 10. — 108 s.
25. *Bartholomae Chr.* Altiranisches Wörterbuch [Text] / Chr. Bartholomae. — Strassburg, 1904. — 1022 s.
26. *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch [Text] / J. Pokorny. — Bern ; München, 1959. — Bd I. — 434 s.
27. *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika [Text] / P. Skok. — Zagreb, 1971–1973. — Knj. I–III.

Стаття надійшла до редакції 29.03.2019

УДК 811.111'581:159.96

ЛІНГВАЛЬНІ АСПЕКТИ ГІПНОТИЧНОГО ДИСКУРСУ (НА МАТЕРІАЛІ КИТАЙСЬКОЇ ТА АНГЛІЙСЬКОЇ МОВИ)

Карпенко Максим Юрійович¹

Одеський національний університет ім. І. І. Мечникова,
Одеса, Україна

E-mail: m.yu.karpenko@gmail.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0308-5284>

В дослідженні надано характеристику лінгвістичній складовій гіпно-тичної комунікації в контексті психотерапії. Ця царина є актуальною через власну недостатню вивченість попри велику роль саме мовленнєвого компоненту в процесі здійснення гіпнотичного навіювання і, як наслідок, зацікавленість наукової спільноти. Метою дослідження є схарактеризувати гіпнотичний дискурс й навести основні лінгвістичні особливості гіпнотичної комунікації. Об'єктом дослідження є гіпнотичний дискурс в китайській та англійській мові, а предметом — механізми проведення гіпнотичного комунікативного акту в китайській та англійській мові. Матеріалом послуговували записи мовлення гіпнотерапевтів під час гіпнотичного сеансу. В статті окреслено різні підходи до розуміння гіпнозу, а також визначено спільні риси в них: 1) зниження ступеня усвідомлення до-вкілья й інтенсивності психомоторної активності людини, що нагадує сон; 2) цей процес є результатом кооперації людини, яка називається клієнтом, з людиною, яка називається терапевтом; 3) збільшення вірогідності успішного здійснення навіювання. Також розглянуто процес перебігу типового гіпнотичного сеансу, який включає такі компоненти, як наведення, навіювання та виведення. В дослідженні проаналізовано лінгвістичні шаблони, які використовуються гіпнотерапевтами задля формування стану гіпнотичного трансу у клієнта. Зокрема, було виокремлено дві групи таких шаблонів: ті, що використовують універсальні закони моделювання причинно-наслідкових зв'язків (які включають псевдологічне поєднання за допомогою сполучників, імпліцитний каузатив, експліцитний каузатив та імплікацію розуміння глибинних процесів), та ті, які призводять до тран-

¹ кандидат філологічних наук, старший викладач, доцент кафедри граматики англійської мови Одеського національного університету ім. І. І. Мечникова, Одеса, Україна